Лян Руи определенно вернулся бы, потому что ему не хватало деревянной бирки. Для такого, как он, пока он может получить деревянную бирку, он осмелится пойти на любой риск.

Если бы я был в хорошем душевном состоянии, я бы решил спрятаться где-нибудь и использовать мой лук и стрелы, чтобы стрелять Liang Rui, но мое текущее душевное состояние не позволяет мне сделать это.

Так что я подумал о том, чтобы притвориться мертвым, и мы лежали вместе на земле, так что я притворился, что меня убил раб-призрак. Когда Лян Руи вернется, он, наверное, подумает, что Рабыня-призрак ушел далеко, и обязательно возьмет деревянную бирку. По словам похотливого сердца этого парня, он еще не отпустил Донгфан Юйю. Когда придет это время, это наш шанс нанести удар.

Но проблема в том...

Целую ночь мы не ждали возвращения Лян Руи.

Когда рассвет, Дунфан Юйю зевнула, она встала с земли и сказала сонливо: "Цзян Чэн, разве ты не говорил, что Лян Руи Ты уверен, что оно вернется? Почему ты его не видел, ты знаешь, как холодно я был всю ночь?"

Я подполз с хмурым хмуром и пробормотал: "Что-то не так, он точно вернется в соответствии с его личностью". Забудь об этом, не хочу так сильно волноваться, просто собирай вещи и уходи".

"Мм".

Донгфан Юйю весело надела свою одежду и отрубила ее, когда шла со мной к даосскому храму. Она спросила меня, как мое здоровье, и я ответил, что все в порядке, не большая проблема.

Чтобы не опоздать, мы все равно время от времени бежим к храму. На самом деле, благодаря рыбному супу, который Донгфан Ю подарил мне вчера вечером, иначе у меня сегодня не было бы сил.

Когда мы шли, "Oriental Jade" внезапно указала на фронт и сказала, что что-то происходит, мы сделали несколько озадаченных шагов вперед и нашли кого-то, лежащего на земле. Когда мы стали ближе, мы поняли, что этот человек на самом деле был Лян Руи.

И в этот момент, Лян Руи, когда это действительно называется трагической ситуацией.

У него была только голова, но его тело превратилось в лужу крови, и я не знаю, что его расплавило. Я пытался затянуть одежду, только чтобы увидеть, что даже кости этого парня наполовину расплавились, а верхняя часть все еще пузырится, указывая на то, что плавление не прекратилось! .

Там была кровь и гной по всей земле, смотреть было отвратительно.

Донгфан Юйю воскликнул: "Как могла быть такая трагическая смерть, что этот парень встретил прошлой ночью?"

Я покачал головой: "Не знаю, забудем об этом, давайте сначала вернемся в даосский храм, это место не должно остаться надолго. Будьте осторожны, как только возникнет особая

ситуация, мы тут же сбежим".

Донгфан Юйю, рысью рядом со мной, опустила голос и сказала: "Как даосские священники могли использовать такие жестокие методы убийства, я думаю, что это, вероятно. Это был призрак. Но это была всего лишь оценка Дао Солдата, не должно быть такого страшного призрака. Сила Liang Rui тоже не была слабой, и вдруг все его тело расплавилось, это не могло быть оправдано. Когда мы приедем в Дао Солдат позже, должны ли мы упомянуть об этом Лян Шаньшань?"

"Никогда не упоминай об этом..." Я сказал тихо, "Есть много вещей, о которых можно притвориться, что не знаешь, и если убийца вспомнит об этом, это может привести к неприятностям. . Давайте притворимся, что не видели труп Лян Руи и забудем об этом".

Донгфан Юйю испуганно кивнул.

Неудивительно, что Лян Руи не вернулся прошлой ночью, но его убили таким образом. Этот метод убийства я чувствую холод, даже глядя на него, что это за странный метод убийства, который может растопить человека до такой степени?

Сгоревшие луга были спокойны на пути, и к тому времени, когда мы побежали бездыханно к даосскому виску, это было 8:15. В даосском храме уже было собрано несколько даосских священников, и Лян Шаньшань посещала нас, и когда она увидела, что мы возвращаемся, то улыбнулась и сказала: "Йо, еще двое? Донгфан Юйю, за тобой приедет кто-то из твоей семьи, увидишься с ними позже. Только что меня спросили о твоем состоянии, я не знаю, что сказать, к счастью, ты в порядке, иначе, думаю, мою маленькую жизнь будет трудно спасти".

Донгфан Юйю игриво улыбнулся: "Наверное, за мной заедет брат".

"Ну, сначала отдохните, мы подождем до десяти. Вы уже позавтракали? Там завтрак в сгоревшем большом доме". Лян Шаньшань сказал.

"Есть еда..."

Oriental снова Yu занят тащить меня в большой дом, когда мы увидели еду внутри, мы оба были очень счастливы. На этот раз Юаньмень хорошо о нас позаботился. В большом доме был длинный стол, на котором были торты, молоко, ветчина и другие завтраки в западном стиле. Дунфан Сяоюй плакала, когда ела, и хныкала: "Я думала, что больше никогда не буду есть! Не к нормальной еде".

"Посмотри на себя." Я закатил глаза и выглядел не очень хорошо.

Мы все взяли кучу еды и засунули ее себе в рот, а затем вышли на улицу, чтобы подождать, пока подойдут остальные конкурсанты. Мы подождали до десяти часов, когда вернулись еще некоторые участники, Чжан Юнь и другие. Когда они увидели меня, они даже улыбнулись мне, но я, естественно, проигнорировала их, потому что на самом деле не хотела заводить здесь друзей.

"Время вышло, теперь я отвечаю за перекличку, а вы, ребята, по очереди сдадите свои деревянные карты". Лян Шаньшань сказал.

Люди смеялись, теперь, когда игра закончилась, не нужно было подключаться. После семи долгих дней борьбы все были полностью измотаны.

"Цянь Синь". Лян Шаньшань сообщил.

Цянь Синь даже пошел вручить свою деревянную бирку, и Лян Шаньшань улыбнулся после прочтения: "Цянь Синь, восемьдесят очков, Сюань Бин".

Люди все аплодировали, после чего именно Цянь Синь также поднялся в своей деревянной бирке, он был таким же, как и его брат, оба - восемьдесят Сюань Бинь.

Внезапно Лян Шаньшань сообщил имя Чжан Юня, и Чжан Юнь тут же вышел из группы с поднятой головой и грудью. Видя его таким, Дунфан Юйюй прошептал мне на ухо: "Ба, какой бесстыжий человек, я вижу этого Чжан Юня самым неприятным".

"По крайней мере, люди улыбаются до конца." Я сказал, спокойно.

Чжан Юн прошел вверх к Лян Шаньшань, он улыбнулся и раздал деревянную карту, но Лян Шаньшань не принял ее даже с ее руками на ее плечах, сцена была немного неловкой на некоторое время.

Вдруг Лян Шаньшань с улыбкой на лице сказала: "Чжан Юнь, я слышала, что ты только начал с хорошего плана убить всех священниц. Правда?"

"Точно". Чжан Юнь кивнул головой.

Лян Шаньшань спокойно сказал: "Вообще-то, до пожара мы следили за вашим матчем. Я хочу кое-что сказать, что может кого-то обидеть, но, конечно, я не боюсь вас обидеть. Я возглавлял десятки участников "Смертельной гонки", а вы, ребята, самые бесхребетные. Это правда, на самом деле, это не преувеличение, чтобы описать вас, ребята, как кучку кисок. Просверлено. Кроме, конечно, Цзян Чэна и Дунфан Яню".

Люди опускали головы от стыда, но выглядели лицемерными. В конце концов, им было не так уж и стыдно, когда они выполняли этот план.

Только теперь Лян Шаньшань получил деревянную карту, и после подсчета она сказала без соленых слов: "Чжан Юнь, девяносто пять пунктов, солдат Цянь Кунь".

"Хорошо!"

Люди лопнули от аплодисментов, и мы с Донгфангом снова смотрели это холодно. Дунфан Юйю стиснула зубы и прокляла: "Такой человек может быть солдатом Цянькуня, фу, отвратительным".

Лицо Чжан Юня было наполнено гордостью, и он вернулся в группу, улыбаясь, когда принимал поздравления от народа.

Я передал ей рюкзак Донгфан Юйю и улыбнулся: "Вот, твоя тарелка дао в сумке, скажи мне, когда поднимешься позже. Убрать свою гордость?"

Донгфан Юйю кивнул энергично: "Конечно, кивну! Когда мы только начинали, люди смеялись над нами наверняка, что мы не сможем продолжать, но каков результат сейчас? Успешно родились два сюаньских солдата. Цзян Чэн, хотя я говорил это много раз, я все равно хочу сказать спасибо. Когда я вернусь, мои родители будут мной гордиться, и мой брат также сказал, что я буду солдатом даоистов, позже я заставлю его сказать мне сам. Извинись, хе-хе-хе."

Я потерла ей голову и беспомощно смеялась: "Посмотри на себя, как на ребенка".

"Я уже ребенок, а ты дядя". Донгфан Юйю сделал лицо.

"Донгфан Юйю".

Лян Шаньшань выкрикнул имя, а Дунфан Юйю был так занят, что нервно кричал, что нарисовал у людей джинсы. Она побежала вперёд с красным лицом и с радостью передала рюкзак Лян Шаньшану.

Лян Шаньшань дразнил: "Ты действительно трудолюбивый, хочешь что-нибудь сказать Цзян Чэн?"

"Все уже было сказано..." снова покраснел Донгфанг.

Лян Шаньшань кивнула с улыбкой, она открыла свой рюкзак, и когда она увидела деревянную бирку внутри, ее улыбка медленно затвердела.

Донгфанг тоже побледнела, и она слабо повернула голову, чтобы посмотреть на меня, ее глаза сначала были шокированы, затем наполнены обманчивым гневом, и даже увлажнены.

Она сжимала кулаки и кусала губу, шептала: "Цзян Чэн, ты мне соврал".

Я вытащил сигарету и зажег ее, больше не глядя в ее глаза.

"Дунфан Юйю, стопроцентно, Цянькуньский солдат!"

Распаковка семидневной сигареты может быть действительно трудно курить.

http://tl.rulate.ru/book/41095/911037